

Нравственная позиция «не-алиби в Бытие» в примирительном дискурсе медиации

Галина Андреевна Юнгус

Соискатель Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета
galina_vyazova@mail.ru

Аннотация: В статье определяется степень влияния субъективного фактора на эффективность процедуры медиации, а также исследуется влияние личностной добросовестности на участников медиативного процесса. Для исследования применяется терминологический аппарат мыслителя М. М. Бахтина. Благодаря авторской философской терминологии, являющейся неотъемлемой частью его концепции, осуществляется анализ степени ответственности участников конфликта за свои поступки с нравственной позиции «не-алиби в Бытии». Данная позиция исполняет функцию восстановительного взаимодействия и инициирует процедуру примирительного диалога между конфликтующими сторонами, благодаря чему выстраивается стратегия примирительного медиативного соглашения. Автор статьи опирается на философскую концепцию М. М. Бахтина для разработки определенных методов, выступающих гарантом достижения медиативного соглашения на взаимно приемлемых условиях для всех конфликтующих сторон.

Ключевые слова: социальная философия, медиация, восстановительный диалог, конфликт, философия поступка, «не-алиби в Бытии», медиативное соглашение.

The moral position of «non-alibi in Existence» in the reconciliatory discourse of mediation

Galina Andreevna Yungus

PhD Candidate, School of Social and Political Sciences, Pacific State University
galina_vyazova@mail.ru

Abstract: This article defines the extent to which the subjective factor influences the effectiveness of the mediation procedure and examines the impact of personal integrity on the participants of the mediation process. The study employs the terminological apparatus of the philosopher M. M. Bakhtin. Through the author's philosophical terminology, which is an integral part of his concept, the analysis of the degree of responsibility of the conflict participants for their actions from the moral position of "non-alibi in existence" is carried out. This position performs the function of restorative interaction and initiates the procedure of reconciliatory dialogue between the conflicting parties, thereby constructing a strategy for a reconciliatory mediation agreement. The author relies on M. M. Bakhtin's philosophical concept to develop specific methods that serve as a guarantee for achieving a peaceful agreement on mutually acceptable terms for all conflicting parties.

Keywords: social philosophy, mediation, restorative dialogue, conflict, philosophy of action, "non-alibi in Existence," mediation agreement.

© Г.А. Юнгус (Хабаровск). galina_vyazova@mail.ru. Тихоокеанский государственный университет. Южный Полюс 12 (2) (2024) DOI: 10.18522/2415-8682-2024-12-107-116

Конфликт — это актуализированный способ проявления общественных противоречий, особая форма взаимодействия социальных субъектов, для которой характерны следующие черты: во-первых, явно выраженная противоположность интересов конфликтующих субъектов; во-вторых, отсутствие коммуникации между участниками конфликта: занимая монологическую позицию, они не слушают и не слышат друг друга; в-третьих, разрушительный характер взаимодействия сторон в конфликте, в результате которого нарушается целостность социальных институтов, возникает аномальное функционирование всей социальной системы. Конфликт ведет к беспорядку, нестабильности, насилию.

Только в том случае, когда общество находит средства как можно более раннего выявления конфликтных интересов и выхода из кризисной ситуации с наименьшими социальными издержками, конфликт может служить источником развития социальной системы, способом подключения к социальной жизни новых общественных слоев, средством обновления социальных структур и повышения статуса социальных субъектов.

Конфликт, находящийся на ранней стадии своего развития, в определенной степени полезен для общества, ведь осознание возникшего противоречия позволяет определить механизмы сдерживания и предотвратить распространение и нарастание противоречия. В тех социальных группах, в которых едва ли не на бытовом уровне регулярно возникают повседневные конфликтные ситуации, что преодолеваются путем диалога, в меньшей степени распространены деструктивные социальные явления и насильственные действия. Незначительные конфликтные противоречия во многом способствуют ослаблению социальной напряженности и формируют у сторон соответствующие коммуникативные навыки, благодаря которым переговорный процесс значительно упрощается. Возникающий социальный разлад приводится в норму благодаря естественным процессам, связанным с социальной самоорганизацией, которая повышает жизнеспособность общества и усиливает динамику его развития. Благодаря незначительным конфликтным ситуациям проявляются императивы и приоритеты членом социальной группы. В данном случае конфликт является средством измерения организационного потенциала противоборствующих сторон и способствует формированию соответствующей иерархии, что, в свою очередь, является еще одним средством для предотвращения серьезных конфликтов.

В контексте нашего исследования следует подчеркнуть, что терминологический аппарат М. М. Бахтина пользуется особой исследовательской популярностью среди представителей различных научных направлений, от филологических до социально-гуманитарных. Это является косвенным подтверждением того, что философское наследие М. М. Бахтина оказывает влияние на развитие всей мировой гуманитарной мысли.

В своей работе «К философии поступка» мыслитель, с присущей ему тщательностью, анализирует феномен социальной разобщенности и раздвоенности западноевропейского общества. Европейский человек XX в., по мнению философа, несмотря на многовековые научные и культурологические достижения западной цивилизации, превратился в абстрактный гносеологический субъект, полностью абстрагированный от всего исторического наследия и утративший статус субъекта поступка. По словам философа, это привело к катастрофическим последствиям, когда человек на субстанциональном уровне самоустранился от участия в бытии и предпочел вечным истинам любое частное событие. Разумеется, подобная расстановка приоритетов относится не к каждому акту деятельности, а лишь к тем поступкам, которые человек осуществляет осознанно и ответственность за которые он добровольно готов на себя возложить со всеми возможными последствиями. Только такое деяние М. М. Бахтин определяет как нравственный поступок, событие, вне зависимости от последующих теоретических объяснений его самим человеком. При этом мыслитель акцентирует внимание на том, что многие люди достаточно легко находят различие между понятиями абсолютной и относительной истины. Благодаря хорошему гуманитарному образованию

имеют целостное представление об этических нормах и эстетических направлениях культуры. Однако, несмотря на имеющийся базис, полностью лишены возможности реализовать себя как субъект нравственного поступка.

Бахтин объясняет это тем, что теория вневременна, отвлечена от подробностей жизни, она постулирует неизбежность должного. Если бы мы жили по прекрасно структурированным законам теоретического познания, «мы оказались бы там определенными, предопределенными, прошлыми и завершенными, существенно не живущими, мы отбросили бы себя от жизни, как ответственного рискованного открытого становления-поступка, в индифферентное, принципиально готовое к завершению теоретическое бытие» [1, с. 17].

Для конфликтологии особое значение имеет теория диалогической природы сознания, фрагментами которой являются сформулированная Бахтиным фундаментальная оппозиция диалогического принципа открытой и монологической дефиниции готовой истины. Кроме этого, мыслитель указывает, что лишь через диалог достигается еще один, особый императив — Третье или Другое. По его словам, «в разные эпохи и при разном миропонимании этого Другого и его идеально верное ответное понимание принимает разные конкретные выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т. п.)» [2, с. 233]. Эти и другие идеи философии поступка М. Бахтина представляют категориальную основу, благодаря которой появляется возможность осмыслить феномен общественного конфликта в рамках исследовательского поля, а также определить базовые принципы формирования социального консенсуса, способствующего минимизации конфликтов.

Основополагающим аспектом при изучении природы социальных конфликтов, их проявления и специфики является разработка научно-обусловленного методического комплекса, нацеленного на предотвращение потенциальных конфликтных угроз и урегулированию уже существующих. Можно сказать, что динамика развития общественной жизни во много зависит от степени знакомства с теоретическим базисом конфликтогенеза всеми членами общества, благодаря чему формируются особые социокультурные и личностные связи, способствующие выработке методов минимизации конфликтов. Конфликт является неотъемлемой частью общественной жизни и подразумевает утверждение лишь одной из всех возможных точек зрения. Эта его характеристика является диаметрально-противоположной чертой диалога, как особой формы взаимного поиска путей решения возникших проблем. Конфликт всегда нацелен на вытеснения неудобного мнения, принятие и обсуждение которого характерны лишь для диалога. Понимание по Бахтину — это процесс диалогический, отличающийся от объяснения, подразумевающего лишь один субъект, одно сознание [3, с. 308–309]. Понимание — процесс взаимодействия двух и более субъектов. Оно, по словам философа, всегда диалогично, а потому противопоставлено конфликту. В то же время конфликт, являясь препятствием к пониманию, с одной стороны, выступает в качестве одного из основных средств для его достижения — с другой.

Основываясь на идеи М. М. Бахтина, понимание можно определить как процесс диалога личностей, так как субъекты коммуникации выступают одновременно и как члены общества, носители культуры, мотивированная и целенаправленная предметно-практическая деятельность которых обусловлена парадигмой рациональности человеческого поведения и определена конкретно-историческими условиями их социального бытия.

Соблюдение всех условий и нюансов, которые предполагают добровольное принятие позиции противоборствующей стороны по своей сущности очень близко к концепции «не алиби в Бытии», так как данный поступок может расцениваться как неснимаемая, абсолютная персональная ответственность и является своеобразным выражением взаимодействия субъекта с миром. Реализация данной концепции в рамках

медиативного процесса подразумевает невозможность кем-либо из участников абстрагироваться от реализации своего уникального места в бытийной плоскости и избежать тем самым необходимого и особенного ответственного поступка. Каждая человеческая жизнь представляет собой череду принятых решений. Образ, характер и жизненный опыт формируются и раскрываются исключительно через призму совершенных им поступков, персональная ответственность за которые возлагается на субъекта деятельности.

В трудах некоторых зарубежных исследователей, изучающих феномен медиации, мировое соглашение, заключенное между конфликтующими сторонами, зачастую расценивается исключительно с культурологических позиций, сформировавшихся в результате гармоничного, последовательного и многоуровневого прогрессирования западного общества. Человеческая цивилизация в ходе своего развития сумела достичь «постконфликтного бытия» — состояния, при котором мирное урегулирование конфликтных ситуаций укрепляет общественную сплоченность и способствует кристаллизации установленных постконфликтных границ. Стойкость установленных соглашений напрямую зависит от этических, нравственных и социальных императивов каждого субъекта, принимающего участие в урегулировании конфликтной ситуации, от его навыков диалогического взаимодействия и способности к принятию аргументированной позиции оппонента.

В данном направлении представляет интерес совместное исследование ученых Венского университета и Мексиканского университета г. Веракрус [4] по вопросам разрешения конфликтов. В другом исследовании, проведенном совместно учеными из Канады и Китая [5], рассматривается матричный метод анализа разрешения конфликта. В зарубежных работах по анализу медиации и мирового соглашения интересен онтологический подход к медиативным переговорам как специфичной социальной реальности. Рассматриваются условия создания пространства диалога и включения в него участников конфликта с целью нейтрализации противостояния и создания социального мира.

Представляют интерес работы, в которых описывается, каким должен быть социальный мир и социальное спокойствие. Можно анализировать роль внешнего конфликта как силы, способной создавать социальный капитал, в данном направлении выделяется комплексная работа ученых-исследователей из США [6].

В исследовании онтологического аспекта поведения человека затрагиваются вопросы благосостояния общества, урегулирования конфликтов, социального мира как социального блага. Социальное доверие — не просто нематериальное условие мира, а часть социального капитала, социальное достижение.

В рамках медиативного процесса важное место занимают переговоры. Примирительный процесс может быть инициирован целенаправленно или случайно. Важным условием любых переговоров является присутствие медиатора, основной задачей которого является нивелирование напряженности в отношениях между противоборствующими сторонами. Цель переговорного процесса заключается в определении взаимовыгодных условий, максимально возможное удаление от конфликтной области, выраженной в предмете противоречий и установление конкретных хронологических рамок, препятствующих затяжной и длительной конфронтации.

Одной из самых серьезных проблем в рамках построения медиативного процесса является взаимное недоверие сторон друг к другу. Как правило, подобное отношение формируется из-за некорректного или искаженного восприятия позиции оппонента, которое формируется на фоне эмоционального подъема в соответствии с определенными стереотипами и жизненным опытом каждого отдельно взятого субъекта. Кроме этого, коллизии, возникающие при попытке построения диалога, могут формироваться из-за

разности аксиологических приоритетов у конфликтующих сторон. Недоверие также может возникать из-за личной убежденности в недобропорядочности противной стороны.

В философском наследии М. М. Бахтина понятия «ответственность» и «поступок» категориально относятся к области морали. Их мыслитель тесно соотносит с диалогичностью, как способом человеческой коммуникации. Разумеется, в повседневной жизни перед людьми не ставятся столь серьезные вопросы. Однако, в рамках переговорного процесса нередко возникает необходимость в нахождении приемлемого для всех участников медиации нравственного идеала или обретения абсолютной истины. С одной стороны, это действительно может способствовать снижению конфронтации, а с другой — возникает опасность обострения отношений из-за различного, подчас диаметрально противоположного представления об онтологическом статусе определенных ценностей или нравственных императивов. В качестве фактора социальной стабильности медиатору следует использовать полифонический подход в поиске нравственных идеалов и не заикливаться на каких-либо единообразных мировоззренческих или религиозных установках. Наиболее важным аспектом данного подхода является взаимное пиететное отношение как к субъектам, так и к их мировоззрению. Положительным эффектом в процессе медиации выступает способность противоборствующих сторон к осознанию собственной познавательной и аналитической ограниченности. По Бахтину, сомнение, возникающее у субъекта в рамках построения диалога, является безусловно положительным качеством, так как оно свидетельствует о наличии нравственных ориентиров.

В процессе восстановительного диалога важное значение имеет способность конфликтующих сторон предпринять взаимные шаги на пути медиативного разрешения имеющегося противоречия. М. М. Бахтин такие поступки рассматривал исключительно с нравственных позиций. Мыслитель утверждал, что единственным пограничным фактором, который выступает в качестве разделительного ориентира между конфликтом и примирением является взаимное доверие. Основной задачей субъекта в данном контексте является проявление эмпатических способностей по отношению к своему оппоненту. Лишь взглянув на возникшее противоречие глазами собеседника человек способен выстроить доверительные отношения с ним.

В рамках восстановительного взаимодействия одну из ключевых ролей играет потенциальная возможность взаимных примирительных поступков. М. М. Бахтин в своей концепции примирительного диалога рассматривал целый спектр факторов, которые оказывают влияние на формирование диалогических взаимоотношений между субъектами. Среди них он выделял такие как пол, возраст, физиологическое, эмоциональное состояния и даже генетическую наследственность. В своей совокупности все вышеперечисленное в своем наибольшем сочетании способствует формированию взаимных доверительных отношений и выступает в качестве пограничного фактора между конфронтацией и взаимовыгодной договоренностью. Также важным условием для формирования доверительных отношений между участниками медиативного процесса является освоение, накопление и систематизация полученной информации. В данном контексте следует принять во внимание феноменологический аспект коммуникации, в рамках которого подразумевается «участное внимание к другому» как средство «причастной вненаходимости к чужому сознанию» [7, с. 98].

В рамках своей концепции М. М. Бахтин много внимания уделял развитию навыков ведения диалога, указывая на общеобязательность владения всеми доступными речевыми жанрами: «...Многие люди, великолепно владеющие языком, часто чувствуют себя совершенно беспомощными в некоторых сферах общения именно потому, что не владеют практически жанровыми формами данных сфер» [3, с. 273].

Восстановительное взаимодействие, реализуемое в процессе медиативного примирения сторон, нацелено не только на нормализацию взаимоотношений и снятие

двусторонних претензий, но и на фиксацию совершенных в период открытой конфронтации ошибок, а также их открытое признание. Именно признание собственной неправоты М. М. Бахтин рассматривает с позиций нравственного поступка, ведь это свидетельствует о личностном и качественном изменении (метаморфозе) субъекта, его духовном росте. Мыслитель обращает внимание на онтологическую составляющую данного феномена, ведь генезис и последующее развитие этого личностного фактора создают почву для исследования природы конфликтов и нахождения механизмов их прекращения или предотвращения.

Так, «метаморфоза (превращение) — в основном человеческое превращение — наряду с тождеством (также в основном — человеческим тождеством) принадлежит к сокровищнице мирового доклассового фольклора... превращение и тождество глубоко сочетаются в фольклорном образе человека» [8, с. 39].

Также Бахтин упоминает, что становление изменившейся личности порождает новый виток взаимодействия: «...в мифологической оболочке метаморфозы (превращения) содержится идея развития, притом не прямолинейного, а скачкообразного, с узлами, следовательно, определенная форма временного ряда» [8, с. 40].

В ходе исправления порождается новая личность, которая приняла и исправила свои ошибки, с которой можно вести доверительный диалог, с которой возможен долговременный мир, «два образа человека, разделенных и соединенных кризисом и перерождением, образ грешника (до перерождения) и образ праведника — святого (после кризиса перерождения)» [8, с. 43].

М. М. Бахтин в своем произведении «Эпос и роман» пишет, что образ пути образует особую сферу бытия: «...пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей... Здесь могут случайно встретиться те, кто формально разъединен социальной иерархией и пространственной далью... своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь социальными дистанциями, которые здесь преодолеваются» [8, с. 177]. Таким образом, если рассматривать метафорически путь как дорогу, то «...это точка завязывания и место совершения событий» [8, с. 177–178].

Переход «Я — мыслящего» в «Я — познающего», вероятно, и является результатом сильного влияния Канта. Безусловно, Кант оказал колоссальное влияние на философию Бахтина, однако Кант вовсе не стремился найти ответы на ключевые антропологические вопросы. Он их чаще задавал.

Субъект Канта в своей императивной, моральной принадлежности свободен. Кант следует при этом картезианской традиции в понимании свободы, как свободы выбора. «Ничто мне не мешало говорить о свободе, пользуясь которой мы следуем добру или злу, я просто хотел лишь избежать теологических конверсий и держаться в рамках естественной философии», — говорит Декарт. Кант преодолевает подобное затруднение. Субъект Канта — гений (Homo Faber), творящий свою свободу. В этом смысле философ определяет свободу через творящего ее субъекта. Свобода вновь, после духовной революции софистов, становится его атрибутом.

Императив Канта глубоко теоретичен, он нуждается во «вживлении» его в мир единственного бытия-события. Ценность императива абсолютна: во-первых, в архитектурном центре его стоит субъект и без него императив пуст; во-вторых, этот субъект уже ответственен. Морально-ответственный субъект определяет меру своей ответственности, но еще не способен приобщиться к исторической действительности своего бытия. Таким образом, субъект приобщен к бытию природы, но остается чужим в мире жизни. Он односторонне ответственен: морален, но лишен нравственной ответственности.

Последним, однако, отнюдь не снимается эксплицированная Кантом проблематика ограниченности разума как в мыслительных операциях, так и в восприятии жизненного

опыта. Один из результатов, к которому он пришел в «Критике чистого разума», состоит в показе тщетности попыток с помощью спекулятивного разума вырваться за пределы жизненного опыта. «В самом деле, если разум сперва исследует вполне свою собственную способность в отношении предметов, которые могут встречаться ему в опыте, то тогда легко определить со всей полнотой и достоверностью объем и границы предпринимаемого применения его за пределами всякого опыта» [9, с. 67]. С этих позиций и второй из рассматриваемых подходов может быть истолкован вариантом первого: реальные, конкретные системы имплицитно выступают как рефлексия разума, а чистая объективность и онтологический статус им лишь приписываются.

Принцип «не-алиби в Бытии», в отличие от категорического императива, не относится к образованиям трансцендентального сознания. Ведь противопоставленность бытия и смысла в этическом сознании лишь частично совпадает с противопоставленностью мира природы и мира свободы (разума). Так, например в сознании единственности есть «совершенно несовместимые» моменты. С одной стороны — «эмпирическая» причастность, включенность в бытие, данность бытия, из которой обуславливающие причинные последовательности не элиминированы, но ограничены, огранены. С другой — момент смысловой заданности, относимый к этому же бытию и потому соединяющий в себе, с точки зрения Канта, и «свободную причинность» и естественную. Бахтин берет, в качестве исходного, не противопоставление свободы и природы конститутивное для мышления о поступке, а имманентный самому поступку безысходный «раскол» в мире.

Медиация как ответственный поступок должна обрести общий вектор, чтобы захватить рефлексиию обеих сторон конфликта: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство в ответственности за поступок по примирению и за выполнения обязательств за свой поступок, таким образом заключение медиативного соглашения выступает моментом единой и единственной нравственной ответственности.

Очевидно, что всякий императив, закон, норма (моральная, обычная, юридическая) всегда выражены в общеутвердительном (отрицательном) суждении. Этот смысловой центр абсолютно безразличен к индивидуально-исторической стороне субъекта. Любой закон в своем смысловом и содержательном моменте не несет ничего (кроме своей нормативности) и поэтому является тождественным самому себе, не способен выйти за рамки своего особого «места обитания» — теоретической области. Таким образом, возникает определенное противоречие между «Homo Faber» Канта и всяким теоретически значимым основанием для его собственной свободы. Отрыв (у М. М. Бахтина — раскол) теоретического мира от поступающего ответственного субъекта приводит к потере долженствования. Потеря данного момента неизбежно влечет либо формализм, заключающийся в отрыве теоретически значимой нормы от воплощающего ее акта субъекта, либо формализм, который лишает субъекта его участности, субъект действует «под маской» и в этом смысле он выступает субъективно по отношению к своему поступку — самозванец. Тенденция — потеря установки на «не-алиби в Бытии» — влечет к потере онтологических корней субъекта, к случайности его свободы — произволу. Ведь, как утверждал Гегель, «случайность есть вообще лишь нечто такое, что имеет основания своего бытия не в себе самом, а в другом» [10, с. 318].

Таким образом, этические нормы являются плохим показателем философии ответственного поступка. Теоретическая (нравственная) область, выстроенная неокантианцами, незаконно присваивает его, лишая особого исторического бытия, выводя за рамки событийности. Наиболее удачным проявлением для этого является право, что связано с определенным совпадением «места обитания». Как и культура, а право является формой культуры, поступок лишен внутренней территории — М. М. Бахтин говорил, что «внутренней территории у культуры нет». Именно в этом смысле поступок и отличается от деяния вообще — акт'a.

М. М. Бахтин указывает бытие поступка в общественных отношениях, но это уже его эмоционально-волевое проявление, это последнее ответственное познание, когда я перевожу на язык участного мышления (с моего единственного места) все полученное содержательное познание. Этим я создаю особый мир, в котором «Я» — уже не просто познающее (это лишь отправная точка), «Я» — ответственно поступающее.

Принадлежит ли ответственный поступок только лишь миру жизни, миру бытия-события? Видится возможным рассмотреть теоретическую (ценностную) область, «маленький мирок мною познанных ценностей» (норм) в качестве необходимого условия «участного не-алиби в бытии», т. е. ответственного «расширения контекста действительно признанных ценностей» [1, с. 55]. Таким образом, бытие поступка двумерно. Онтологически медиация «спрятана» в правовой среде, но становится эффективной лишь после осознания сторонами конфликта причастности к медиации как к бытию-событию.

Ясно, что это для принятия медиации участнику переговоров необходимо отвлечение от конфликта и принятие солидарности как абсолютно произвольного (ответственно-произвольного), абсолютно нового, творимого, предстоящего в поступке, то есть от того именно, чем жил поступок. Так Бахтин определяет саму жизнь как творчество: творение поступка, деяния, что и составляет сущность Бытия.

Означает ли это, что Бахтин отрицает значимость теоретического или философского познания жизни на основании того, что познание Бытия не есть само Бытие? Нет, конечно, но... при одном условии: тогда только, когда это познание носит эмоционально-волевою направленность. «Действительный акт познания, — писал Бахтин, — происходит не изнутри его теоретически-отвлеченного продукта... это положение включает в себя некоторый ценностный привкус и получает эмоционально-волевым характер: вот вечная истина (и это хорошо) — вот наша приходящая дурная временная жизнь (и это плохо). Здесь мы имеем случай участного мышления, стремящегося пре-одолеть свою данность ради заданности, выдержанного в покаянном тоне; но это участное мышление протекает именно в нами утверждаемой архитектонике бытия-со-бытия» [4]. Бахтин скромно приписывает данную концепцию Платону, на самом деле такая обостренность понимания «участного мышления», без сомнения, есть продолжение и развитие традиций русской философии и культуры. Недаром он пишет, что философия поступка может быть только нравственной философией.

Отвлекаясь от подробностей многочисленных теоретических описаний мира, их разноликости и дискуссионности (в диапазоне от религиозного до материалистического), Бахтин ухватил в них общий момент, связывающий (а не разрывающий) временной характер живого события («здесь и сейчас») с чувством сопричастности к Бытию через присвоение участниками его вечного смысла, раскрывающегося нам в идеалах. Поставив диагноз «дурной неслиянности культуры и жизни», что приводит к искажению или отчуждению духовного начала.

Бахтин предложил и выход из этой тупиковой ситуации, в которой оказались люди XX века. Лишь наше осознанное прорастание, личное стремление к идеалам пробуждает нашу волю, которая одна только и может задействовать, мобилизовать наш творческий потенциал. На что он будет направлен — вот в чем проблема!

Можно изучать незнакомую культуру во всех ее подробностях как «другую культуру внутри себя» и тем самым познакомиться с ней, удовлетворив естественную потребность в познании. При этом культура сохраняется в своей исторической целостности, и мы приобщаемся к ней, принимаем факт ее существования как данность. Это идея Бахтина. На ней построена известная концепция школы «Диалога культур», предложенная отечественным философом В. С. Библером.

Для русского мыслителя единственность означает не что иное, как призыв заполнить смысловым образом предназначенную конкретной личности бытийную пустоту. Эта интерпретация, на наш взгляд, не согласуется с другой, сформулированной в том же

предложении: «...единственность выступает лишь как предельно артикулированная ответственность, осознание того, что уклониться от этого «не-алиби» и спрятаться за обстоятельства <...> невозможно». Интерпретации не согласуются, ибо мы вправе спросить: откуда исходит «призыв»? Кто или что бытием своим так вопрошает, что безответность моя безответственна? То, что А. К. Шевченко называет «бытийной пустотой», ничто, ждущее «заполнения», ни вопрошать, ни «предназначаться» не может. Сказать сильнее, такая «бытийная пустота» — абстракция, подобная ньютонову пространству как вместилищу материальных тел. Она не может не только взывать, но и существовать.

Но можно незнакомую или забытую культуру присвоить себе сегодняшнему, актуализировать ее (а значит, и переструктурировать), отыскав в ней не только исторический, не только философский и отвлеченный, но и общечеловеческий и вечный духовный смысл, обогатив таким образом палитру нравственной аргументации для своего индивидуального поступка. И только тогда когда-то кем-то сформулированные общезначимые духовные ценности воистину становятся значимыми для нас и участвуют в сегодняшнем Бытии. И это тоже идея Бахтина. В ней также присутствует диалог, но не как средство. Развивая эту идею, мы утверждаем, что подобное присвоение культуры в учебном процессе может происходить только при посредничестве педагога, который с помощью диалога превращает учебную деятельность в творческую, когда вся культура в целом интегрируется и концентрируется в единственном контексте жизни, которому он и его ученики в эти минуты причастны. Больше всего это походит на художественный процесс, в котором участвуют все вместе и каждый в отдельности. Вот почему такую учебную деятельность можно, да и необходимо, назвать эстетической деятельностью. Она всегда индивидуализирована.

Здесь предлагается философская концепция новой педагогики — педагогики творчества, понимаемого в духе Бахтина как формирование у учеников индивидуальной стратегии жизни в созидательном процессе Бытия. Вне творчества, вне нравственного самопознания личности, как и вне понимания того, что нравственные и творческие способности есть изначальное достояние человеческой

В этом смысле философия права как и философия поступка, является носителем не тождественной самому себе смысловой значимости. Как социальный (или даже в определенном смысле социологический) феномен, право всегда шире своей содержательно-смысловой стороны. Поэтому всякий нормативный подход к его определению будет недостаточен. Поставленная М. М. Бахтиным проблема ответственного поступка предполагает выявление новой природы права — оценочно-ответственной. В этом смысле всякая юридическая оценка содеянного видится абсолютно бессодержательной и лишеной всякого смысла, если она исходит только из теоретической области рассмотрения. Именно поэтому юристы испытывают серьезные затруднения в понимании содержания таких понятий, как «проступок» и «вина», т. к. любое теоретизирование в этой области, неприобщенное к миру живого поступка, бесплодно. Значимость «психологической» вины утрачивается, и она находится вне самого проступка, которое является свободным волевым актом, ответственным поступком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев. 1994. С. 9–69.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. 1986. 445 с.
3. Бахтин М. М. Автор и герой // К философским основам гуманитарных наук. СПб. 2000. С. 9–226.

4. Fraser O. N., Aureli F. Conflict Resolution. In: Encyclopedia of Animal Behavior. 2010. P. 350-354. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-809633-8.01081-5> (дата обращения: 07.09.2024).
5. Wang J., Hipel K. W., Fang L., Dang Y. Matrix representations of the inverse problem in the graph model for conflict resolution. In: European Journal of Operational Research. October 2018. Vol. 270. Issue 1. P. 282-293. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2018.03.007> (дата обращения: 10.09.2024).
6. Phan N., Dou D., Wang H., Kil D., Piniewski B. Ontology-based deep learning for human behavior prediction with explanations in health social networks. In: Information Sciences. April 2017. Vol. 384. P. 298-313. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ins.2016.08.038> (дата обращения: 10.09.2024).
7. Алексеев П. В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. М. 2002. 944 с.
8. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб. 2000. 304 с.
9. Кант И. Критика чистого разума. М. 1999. 654 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М. 1974. 455 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. K filosofii postupka [Towards the philosophy of action]. In: Bakhtin M.M. Raboty 20-kh godov [Works of the 20s]. Kiev. P. 9-69. (in Russian)
2. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow. 1986. 445 p. (in Russian)
3. Bakhtin M. M. Avtor i geroy [The author and the hero]. In: K filosofskim osnovanijam gumanitarnykh nauk [To the philosophical foundations of the humanities]. Saint-Petersburg. 2000. P. 9-226. (in Russian).
4. Fraser O. N., Aureli F. Conflict Resolution. In: Encyclopedia of Animal Behavior. 2010. P. 350-354. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-809633-8.01081-5> (accessed: 07.09.2024).
5. Wang J., Hipel K. W., Fang L., Dang Y. Matrix representations of the inverse problem in the graph model for conflict resolution. In: European Journal of Operational Research. October 2018. Vol. 270. Issue 1. P. 282-293. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2018.03.007> (accessed: 09.10.2024).
6. Phan N., Dou D., Wang H., Kil D., Piniewski B. Ontology-based deep learning for human behavior prediction with explanations in health social networks. In: Information Sciences. April 2017. Vol. 384. P. 298-313. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ins.2016.08.038> (accessed: 09.10.2024).
7. Alekseev P. V. Filosofiy Rossii XIX–XX stoletij. Biografii, idei, trudy [Philosophers of Russia of the XIX–XX centuries. Biographies, ideas, works]. Moscow. 2002. 944 p. (In Russian)
8. Bakhtin M. M. Epos i roman [Epic and novel]. Saint-Petersburg. 2000. 304 p. (In Russian)
9. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]. Moscow. 1999. 654 p. (In Russian)
10. Hegel G. V. F. Enciklopediya filosofskih nauk. T 1. Nauka logiki [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. The Science of Logic] / Edited by L. B. Tumanov. Moscow. 1974. 455 p. (In Russian)